

чения, были оценены и участниками и гостями Игр очень высоко.

О влиянии занятий спортом на здоровье детей тренеры, врачи, родители, да и сами ребята, участники соревнований, отзывались только положительно.

Исполнительный директор Федерации дзюдо Республики Саха (Якутия) Владимир Капелевич считает, что дзюдо прежде всего воспитывает уважение к старшим, к человеку вообще. Каждый поединок начинается с поклона, в котором спортсмен выражает уважение к сопернику. А в плане физического развития в дзюдо работают все без исключения мышцы тела, что очень полезно для растущего организма. Этот вид спорта очень гармоничен сам и воспитывает гармоничную личность.

Виктор и Ольга Паршины, родители члена сборной нашей республики по баскетболу Юрия Паршина, уверены, что занятия спортом вообще дают хорошую физическую подготовку, воспитывают выносливость, уверенность в

себе, самостоятельность, подтягивают во всех отношениях. Благодаря регулярным и напряженным тренировкам Юра хорошо ориентируется во времени, поэтому его особо даже не приходится контролировать в плане режима дня.

– На наш взгляд, спорт воспитывает выносливость, дети стали более дисциплинированными, организованными, более живыми. Дочь занимается волейболом, сын – баскетболом.

Сыну 12 лет, занимается первый год, до этого он практически не рос, а здесь за год вырос на девять сантиметров. Мы видим, что им нравится заниматься, и стараемся всячески их поддерживать, – делится мнением Мария Макеева, преподаватель физкультуры школы №3 г.Якутска.

Павел Бисташев, член сборной РС(Я) по дзюдо (г.Айхал), Иван Кузнецов, член сборной Приморского края по дзюдо, считают, что дзюдо воспитывает ха-

рактер, учит бороться, падать, страховаться, выигрывать. Спорт развивает интеллект.

На закрытии IV международных спортивных игр «Дети Азии» было объявлено, что и пятые Игры тоже решено проводить в Якутске, так что готовиться к ним будут не только юные спортсмены и их тренеры, но и медики, потому что главная задача взрослых – это сохранение и укрепление здоровья детей.

Пресс-секретарь Министерства здравоохранения РС(Я) З.Н. ИГНАТЬЕВА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

5. У озера Алысардах

Подходил к концу второй год моей работы в Оймяконе. Я уже более или менее понимал якутскую речь, сам мог по-якутски сказать самое необходимое и, выезжая к больным, уже не брал с собой переводчика.

Частые выезды в отдаленные пункты Оймяконского района сдружили меня с тайгой. Я познал ее суровые законы, научился ориентироваться, свободно держаться в седле и владеть ружьем, что необходимо было не только на случай встречи со зверем, но иногда и с человеком, так как в оймяконской тайге легко можно было натолкнуться на опасных и коварных уголовников, бежавших из исправительных лагерей.

П. Мионов

ЯКУТСКИЕ СТРАНИЦЫ*

Как-то я услышал, что где-то в районе озера Алысардах, что находится более чем в двухстах километрах от Оймякона, имеется горячий источник. Иногда якуты им пользовались в лечебных целях. Конечно, мне очень захотелось побывать там, и я стал договариваться о поездке с несколькими своими больными – любителями охоты.

Мои приготовления к этой поездке велись исподволь, но когда я узнал, что несколько лет назад один фельдшер ездил на озеро с группой больных, страдающих суставным ревматизмом, и они вернулись почти здоровыми, сборы в дорогу сразу же ускорились.

Конь, принадлежавший больнице, гулял на болоте вблизи юрты. Стоило мне выйти из помещения, как он направил в мою сторону уши. За эту особенность его прозвали Ушастиком.

Когда я протянул руку в его сторону, он стремглав понесся ко мне в надежде получить очередную порцию якутской лепешки.

Ранним августовским утром с добрыми пожеланиями провожали меня в путь мои помощники и некоторые больные. Тяжелых в этот период в стационаре не было, а с легкими больными могли успешно справиться фельдшерица и медсестры – за эти два года они многому научились.

Мне прежде всего надо было ехать к Илье Слепцову, по прозвищу Кыптыкы (ножницы), который жил по соседству с райсоветом и охотно согласился сопровождать меня в поездке на озеро Алысардах.

Еще издали заметил я поджидавшего меня Илью. Его маленький рост, сухопарость и кривые тонкие ноги выдавали в нем прирожденного всадника.

Прикрывая ладонью от солнца пораженные трахомой глаза, он внимательно смотрел на меня. Когда я подъехал к нему, он, не отвечая на мое приветствие, молча и проворно, несмотря на свои семьдесят лет, вскочил в седло и, не дотрагиваясь до поводьев, одними ногами направил своего коня в сторону предстоящей дороги.

Наши добрые кони, бодро перебирая ногами, звучно шлепали по болотистой тропе. Мы уже были в накомарниках, так как мириады висящих в воздухе комаров сразу же накинулись на нас. Некоторые все же сумели пробраться под сетку и беспощадно допекали меня: лезли в нос, глаза, уши. Илья, наблюдая за моей войной с комарами, не решался начинать дорожную беседу.

— Скажи, Илья, как давно ты живешь возле райсовета?— спросил я его.

Илья улыбнулся, немного выждал и ответил:

— Не я живу возле райсовета, а райсовет живет возле меня.

Мы оба громко засмеялись — правда ведь: Илья родился в этой юрте за сорок семь лет до провозглашения Советской власти.

Через полчаса пути мы находились у юрты нашего третьего спутника, Ивана Винокурова.

Высоко и легко он поднял с земли тяжелую на вид переметную суму и плавно опустил ее на спину коня. Все движения Ивана были медлительны и степенны, в его слегка согбенной фигуре чувствовалась недюжинная сила. Под стать хозяину выглядела и лошадь. Крупный белый конь до поры будто дремал, никак не реагируя на приторочку к седлу переметной сумы. Но стоило Ивану забраться в седло и взять в руки поводья, как конь мгновенно ожил. Всаднику то и дело приходилось сдерживать его ретивость.

Теперь наш путь лежал к Константину Винокурову, проживавшему в семи километрах от райцентра. Здесь, у озера, он жил с пятью сыновьями, невестками и внушительным выводком внучат. Константин слыл одним из лучших охотников района. Оймяконцы с завистью рассказывали, как он в одну весеннюю ночь убил сто пятнадцать турпанов. Увезти домой этих крупных уток ему удалось лишь с помощью вола, впряженного в нарты.

Константину Винокурову, как и его однофамильцу Ивану, перевалило за семьдесят лет. Знакомство с ним много дало мне в смысле познания жизни якутской тайги. Терпеливо учил он меня своим охотничьим навыкам.

Помню, как в нашу первую охотничью прогулку Константин, обратив внимание на мой порванный камус, предложил зайти в пустующую юрту, находившуюся немного в стороне от нашего пути. Не успел я перешагнуть ее порог, как он уже разжег камелек и приступил к ремонту моей одежды. В его походной сумке были и шило, и оленьи сухожилия, заменяющие нитки. Покидая тогда юрту, Константин подумал о тех, кто зайдет в нее после нас, и оставил на столе табак, а мне предложил «забыть» немного сахара и консервов, сказав при этом:

— Сделанное тобой добро не пропадет. Оно, как посеянное зерно, умножится.

И вот мы добрались до его жилья: показалась юрта, одиноко стоящая на берегу небольшого, заросшего травой озера. С шумом взлетел с него выводок уток. Сделав небольшой круг, стая, не обращая внимания на выбежавших из юрты ребятишек, опустилась вновь на воду. Было нетрудно догадаться, что это утки местного гнездования, привыкшие к людям и крепко оберегаемые ими.

Мы еще не слезли с коней, а уже слышали от ребят:

— Дедушка нет домой!

Константин на рассвете отправился в тайгу за лошадью, да вот все не возвращался. В юрте две молодые женщины — невестки Константина — хлопотали у камелька, а их сыновья грудного возраста молча лежали голенькими на постели и взмахивали ручонками, как птенцы крыльями.

Мои спутники густо чадили из трубок, набитых листовым табаком, поминутно сплевывая на земляной пол. Их примеру следовали и женщины. Тогда здесь еще не было принято оберегать детей от табачного дыма. Тем более что женщины курили трубки наравне с мужчинами. Нередко случалось и так, что ребенка с грудного возраста приучали к курению.

В ожидании хозяина прошло больше часа. Он вернулся усталым и немного расстроенным — долго искал коня, уже на обратном пути случайно набрел на него, едва живого, запутавшегося в волосистой веревке, с которой был пущен в тайгу.

Пока он не спеша рассказывал о своих поисках, молодые хозяйки успели приготовить для нас угощение. На огромном подносе лежали большие куски свежееваренного мяса, слегка парившие, и горка якутских лепешек. Усвоив якутское правило, что ждать приглашения к столу неприлично, я вместе с другими принялся за еду. Взяв

увесистый кусок мяса в левую руку, а в правую — острый якутский нож, я стал действовать им, как заправский старожил: не глядя отрезал почти у самого своего носа куски крепко схваченной зубами свежатины.

Обильный обед закончился общим курением табака. Густой дым, как плотный туман, повис в юрте. Я еще раз с сочувствием взглянул на молчавших младенцев. А выходя вместе с Константином из юрты, не утерпел и спросил:

— Почему ребятишки молчат?

— У нас кричит ребенок накормленный,—ответил Константин.—А голодный молчит. Ждет еды!

Позже я узнал, что в якутских семьях укоренился своеобразный метод воспитания детей. Якутская мать никогда не подходит к плачущему ребенку, чтобы его накормить, и поэтому не удивительно, что у него вырабатывается своего рода рефлекс ждать кормления молча.

...На пикете в Сордонохе к нашей компании должен был примкнуть Василий Амосов. Этот дальний потомок политического ссыльного страдал тяжелым, часто обострявшимся радикулитом. Больницу он посещал исправно, но перепробованные мной различные способы лечения не приносили ему облегчения. По-русски изъясняться не умел, но свободно понимал русскую речь. Его густые темные брови над слегка раскосыми черными глазами и римский нос придавали лицу особую выразительность. Он и в холода ходил с непокрытой головой — головной убор ему заменяла густая выщаяся шевелюра.

Амосов слыл мастером на все руки. Он прекрасно владел резьбой по слоновой и моржовой кости, был известным кузнецом. Его якутский нож собственного изготовления с наборной ручкой из слоновой кости высоко ценился среди населения района.

Мы заночевали в его просторной и чистой юрте. Никого из многочисленного его семейства не было видно. Таков здесь обычай: гостям не мешать.

Утром, когда наших лошадей вернули с пастбища, я обратил внимание на одну примечательную особенность: седловка моей лошади, как и устройство переметных сумок, была выполнена точно так же, как я сделал это накануне сам. Якуты обладают исключительно редкой наблюдательностью. Стоит им только раз взглянуть на что-нибудь — и они, подобно фотоаппарату, в точности воспроизведут все до мельчайших подробностей.

Застав лошадь на том же месте, где вчера ее привязал, да так же экипированную, с прикрепленным к седлу ружьем по придуманному мною самим способу, я на миг даже усомнился, освобождали ли ее от сбруи и вообще пускали ли на ночь пастись.

Последним перед озером был населенный пункт Кубалах. В одной из четырех здешних юрт, самой маленькой, с земляным полом и грязными тряпками вместо стекол в окнах, нас дождался одиноко живший якут Афоня Колодезников. Его считали человеком состоятельным и большим силачом. Сухощавое лицо при ширококостной фигуре придавало ему чудаковатый вид.

Афоня предложил нам взять с собой в дорогу двухлетнего телка, чтоб забить его у источника и иметь в нашем рационе свежее мясо. Когда наша кавалькада двинулась дальше в последний семидесятикилометровый переход, обреченный телок, словно предчувствуя свою участь, с неохотой следовал за нами, привязанный к хвосту Афоного коня.

Наш путь пролегал по гористой нетронутой тайге. А единственную тропу знал хорошо лишь Афоня. Три года назад он подлечивал у источника на озере Алысардах свои больные суставы.

Дорога была на редкость тяжелой: крутые подъемы и опасные спуски по топкой, болотистой местности.

На следующий день, когда мы поднялись на одну из возвышенностей, перед нами во всей красе открылась чудесная панорама большого озера. На берегу его виднелся дом русского типа с какими-то подсобными пристройками.

Наша группа, состоящая из шести всадников и телка, приближалась к озеру с восточной стороны, где поблескивало много мелких травянистых водоемов. Мое внимание сразу же было приковано к дичи, которой они изобиловали. Создавалось впечатление, что перед нами раскинулась заправская птицеферма.

Продолжая путь к лечебному источнику, мы ехали по болотистой равнине, переходящей в распадок, а потом стали подниматься в гору по небольшой расщелине. Зеленую растительность, пышную, как добротный ковер, вскоре сменила жесткая пожелтевшая трава, напоминавшая стерню с плешинками. Ощущался запах сероводорода. Чем выше мы поднимались, тем он становился резче, неприятнее.

Сероводородный источник бил из

скалы на высоте примерно в пятьсот метров над уровнем озера. Температура воды в нем доходила до тридцати девяти градусов выше нуля.

У самого источника на горном полусклоне примостилось маленькое рубленое строение. Оно было без кровли, но с камельком, выложенным из дикого камня. Вековые лиственницы, буйный стланник придавали окрестности на редкость живописный вид.

Привязав лошадей на короткую выстойку, мы занялись хозяйственными делами: одни стали натягивать прихваченную с собой палатку, другие взялись за заготовку дров для костра. Я отправился вскоре знакомиться с окрестностями. Стоило мне сделать несколько шагов в сторону, как в стланнике поднял выводок куропадок. Еще несколько шагов – тетерева и глухари, сновавшие по веткам лиственниц белки. Несколько раз наткнулся на свежие медвежьи следы.

Вернувшись к нашему стойбищу, я был озадачен встревоженными лицами ожидавших меня спутников. Илья взволнованно сообщил мне, что, отправившись с ведром по воду, он на другой стороне склона увидел дым от костра. А так как экспедиций в этих местах сейчас никаких нет, значит, огонь мог развести только какой-нибудь беглец из лагеря.

Посоветовавшись, мы вновь оседлали неостывших лошадей и, оставив у источника одного Амосова, отправились в тайгу на разведку. Когда мы подъехали к тому месту, откуда Илья заметил дым костра, оказалось, что костер уже погас. Тогда мы решили взять курс на противоположный склон горы и стали подниматься по распадку вверх. Илья с Константином ехали по левому гребню распадка в полукилометре от меня, а Афоня с Иваном – по правому. Условились, что выстрел будет сигналом тревоги и по нему спешить туда, откуда он раздавался.

Взбираясь вверх по обрывистой ложине, я временами останавливался и прислушивался, старательно рассматривал все впереди. Но густая растительность очень ограничивала обзор. Двустоволка, крепко зажата в руках, со взведенными курками, лишь усиливала тревогу. Шумные взлеты дичи заставляли меня часто вздрагивать, мое волнение передавалось и лошади. Ушастик шагал медленно и осторожно, словно тоже рассматривал все впереди. Преодолевая завалы сухого валежника, густые заросли кустарников, я медленно поднимался вверх. Раститель-

ность становилась мельче, скуднее, обозревать местность было уже легче. Временами мне даже удавалось разглядеть то одну, то другую пару моих посланных в обход спутников. Но это случалось лишь на миг. Вдруг какое-то едва уловимое движение возле корневища сваленной ветром лиственницы привлекло мое внимание. Придержав лошадь, я с затаенным дыханием стал всматриваться в это место. Спустя минуту мне показалось, что корни дерева шевелятся, меняют форму: то похожи на ветвистые рога оленя, то на поднявшегося на задние лапы медведя.

Это заставило меня спешиться. Крадучись, как на охоте, приближался я к сваленной лиственнице.

Кругом тишина гробовая. Из-за этого чмокание копыт следовавшего за мной коня раздавалось звонче, особенно когда Ушастик с усилием выдергивал ноги из топкой почвы.

Не знаю почему, но, пройдя несколько шагов, я сдержанно крикнул:

– Кто там? Прошу встать!

Тишина. Значит, ясно, что если кто и таится за корневищем, то это не зверь.

И я крикнул вторично, уже более решительно. И потом, не получив ответа, выстрелил.

И тогда передо мной медленно выросла крупная человеческая фигура с поднятыми вверх руками.

Устало перешагивая через кочки, человек приближался ко мне, подойдя метров на десять, хриплым басом заявил:

– Гражданин начальник, не стреляй, сдаюсь!

– Кто ты? – сурово спросил я, не опуская ружья.

– Зек.

– Костер разводил?

– Разогревал жратву!

Он пытливо пронизывал меня сверлящим взглядом. Широкое и скуластое лицо, обросшее щетиной, низко нависающий на глазницы лоб и массивная челюсть придавали ему свирепый вид. На нем была явно чужая, с трудом натянутая на голову меховая шапка, плечи прикрывал драный ватный пиджак без пуговиц, нараспашку, на ногах едва держались изорванные в лохмотья якутские камусы.

Стоя с поднятыми руками, беглец молча ждал своей участи. Мои спутники между тем быстро съезжались на выстрел. Первым подъехал Афоня. Спешившись, он молча подошел к беглецу, жестом потребовал, чтобы тот еще выше поднял руки, и стал обыс-

кивать его. На свет прежде всего появился извлеченный из-за голенища камуса длинный обоюдоострый кинжал, а затем и массивный напильник.

Илья и Иван нашли в кустах рюкзак и высыпали из него на землю запас консервов, сушеной рыбы и съедобные корни.

На обратном пути к нашему стойбищу шествовавший впереди беглец, остановившись, спросил у меня:

– Гражданин начальник, что собираетесь со мной делать?

– Это мы решим на совете отряда, – грозно отчеканил я. На стойбище у источника я велел ему сесть возле дерева, одиноко стоявшего на небольшой полянке, и предупредил, что за малейшую попытку к побегу он заплатит жизнью.

Голодные и уставшие, мы уселись возле костра.

Константин разлил по кружкам спирт из бережно сохранявшейся в пути бутылки. Подняв первую кружку, он провозгласил тост за благополучие будущей нашей жизни у источника и вылил спирт в костер. Этим самым он умиротворил бога. Вторую кружку мудрый старик передал в руки Ильи:

– Угости беглеца! Он тоже человек. За добро не должен платить злом!

Пообедав, мы приступили к оборудованию ночлега. Кони, пущенные еще до трапезы пастись со спутанными по-якутски ногами, похрапывая, энергично отбивались хвостами от комаров и слепней. Беглец, плотно насытившийся, так крепко храпел, что забивал храп лошадей.

Настало время решать, что с ним делать. Поговорили и все согласились на том, что лучше всего отправить его на пикет в Сордонох, пусть там разбираются.

Всю ночь я не спал, сторожа его. Утром он покорно дал связать себе руки, и Константин с Афоней, как это было решено заранее, набив продуктами свои переметные сумы, повезли его на пикет, до которого было около двух дней пути. С тяжелым сердцем провожал я товарищей в этот опасный путь.

Мне пора было приступить к выполнению своих медицинских обязанностей по исследованию целебного источника. Сначала я сам погрузился в углубление водоема, чтобы испытать на себе его действие. Самочувствие мое от этого не ухудшилось, лишь к концу процедуры, длившейся пятнадцать минут, участилось сердцебиение. Затем по очереди побывали в источнике и остальные три пациента – Илья,

Иван и Амосов. После процедуры каждый отдыхал на спине не менее часа.

Такое лечение провели и на второй день. Но целебные ванны не могли отвлечь нас от тревожных мыслей о товарищах: что, если задержанному нами беглецу удалось обезоружить своих конвоиров?

В молчаливой тревоге прошел и третий день. Мы отводили друг от друга глаза. Мне особенно доставалось от себя: почему не поехал сам? Якуты отговаривали меня от поездки из-за уважения ко мне как к доктору, но имел ли я право согласиться с ними?

Подошел вечер, но ужинать никто не стал. Спать тоже никто не ложился. В полночь Илья, поспешно поднявшийся со своего места, закричал:

– Приехали!

И мы все выбежали из палатки. Никого не увидев, я с упреком обратился к Илье:

– Зачем, друг, обманываешь?

– Правду говорю, слышишь, три лошади приближаются, значит, наши.

Спустя несколько минут и я услышал шлепанье копыт. Приехавшие так устали, что обоим им, Константину и Афоне, пришлось помогать слезть с лошади.

Оба молчали. Расспрашивать здесь, в тайге, тем более уставших людей, считалось неприличным.

Только выпив кружку крепкого чая, Константин закурил и, затянувшись, вымолвил:

– Зря его возили. Лучше бы оставили связанного в тайге.

И все поняли, что они так намучились в дороге с этим бандитом, что и говорить не хочется. Все молча устроились в палатке на своих местах. И утром разговор о беглеце не поднимался.

На следующий день задумали заколоть на мясо телка. Чтобы не видеть этого зрелища, я решил отправиться к озеру Алысардах.

Это озеро с прозрачной водой изобиловало рыбой и дичью. Но стрелять непуганую дичь не хотелось. Думал побывать у домика, маячившего на южном берегу озера, но решил, что сначала надо расспросить о нем своих спутников. За ужином Афоня поведал мне его загадочную историю.

– Это было, наверное, в 1932 году, – рассказывал Афоня. – Тогда на озеро сели водоплавающие самолеты с людьми. Срубили эти люди на берегу русский дом, складские помещения, обнесли все постройки забором, а потом самолеты поднялись и улетели.

Остался жить в доме один русский с женой. Он был настоящим охотником и рыболовом. Сушил и коптил рыбу, дичь. Все склады забил. А зимой жена у него умерла от родов. И наши люди видели, как он с ребенком на руках выбирался из тайги. Куда ушел, зачем бросил все – никто этого не знает.

Рассказ Афони еще больше подзадорил меня. И на следующий день, оставив своих пациентов на самообслуживании, я с раннего утра отправился к этому домику.

Спуститься к озеру с возвышенности, где находился источник, легко. А вот пробираться без тропы берегом было трудно и лошади и мне. Крупные валежины то и дело преграждали путь, хлестали меня по лицу, а коня – по бокам. Да и почва была вязкая. Глушь и мрак от густых крон деревьев наводили грусть.

Много сил и времени потратил я, пока подошел к небольшому, хорошо сохранившемуся рубленому дому, к которому примыкали складские помещения. Отражение солнца от застекленных окон дома и порядок за оградой невольно заставляли думать, что меня здесь ждет гостеприимный хозяин. Но потом, заметив какое-то легкое движение в доме, словно кто-то из окон на меня глянул, я вдруг, сам не пойму с чего это, резко повернул коня и погнал его обратно. Лесная глухомань показалась мне еще более страшной. Ушастик, словно понимая мое состояние, трудные места преодолевал прыжком.

Когда я выбрался на тропу, мне перед самим собой стало стыдно за безотчетный страх. Подъезжая к источнику, я перевел коня на тихий шаг и, чтобы успокоить себя, стал потихоньку напевать волжские матанечки. Своим спутникам я сказал, что дом не стал осматривать внутри, так как не нашел в нем ничего интересного.

У источника мы провели три недели. Все заметно пополнили и посвежели. У моих добросовестных пациентов боли в суставах и пояснице почти прошли.

Отдохнувшие кони на обратном пути, торопясь домой, неслись, как угорелые. В Кубалахе мы переночевали у Афони. На пикет в Сордонох прибыли поздно вечером. Я поспешил к начальнику пикета Никите Хабидулину, приславшему мне посыльного с запиской.

– Ты почему скрыл от нас преступников у озера Алысардах?

Я ответил:

– Спешу и легкомысленными шутками заниматься не намерен!

– Ах, ты вот как? – взорвался Хабидулин. Путаясь в словах, он продолжал орать: – Отпустить матерых преступников, не сообщить нам о них для тебя – шутки? – И, перейдя на визг, заключил: – Да ты знаешь, что могу тебя за это посадить на десятку, а будешь особенно трепыхаться, так и «вышку» припишут!

Не чувствуя за собой никакой вины, я сказал ему в ответ:

– Ну, хватит орать, пора успокоиться и говорить толком! Никаких твоих разбойников я не видел, кроме того, которого поймал.

Мой подчеркнуто независимый тон подействовал на Хабидулина успокаивающе. Из разговора с ним выяснилось, что из одного лагеря в районе Магадана сбежали два матерых рецидивиста. На пути им ночью попала палатка геологов. Подобравшись к ней, они одному из геологов, охранявшему сон двух своих товарищей, размозжили дрючком голову, двоих других обезоружили. Забрав документы, планшеты с картами, продукты и оружие геологов, бандиты отправились дальше, должно быть уже руководствуясь картой, и вскоре, как это стало известно нашему пикету, попали на озеро Алысырдах и отдыхали там в доме, построенном летчиками.

– А ты, будучи на озере, подъехал к дому, увидел бандитов и мигом скрылся. Признавайся, так было? – допрашивал меня Хабидулин.

Мне не оставалось ничего больше как воскликнуть:

– Ну и ну!

Потом, конечно, пришлось рассказать Хабидулину, как это случилось, что, подойдя к заповедному дому, я не осмелился заглянуть в него. Хабидулин извинился за свою резкость, которой он, должно быть, хотел меня запугать, так же как я запугивал своим грозным видом задержанного на озере беглеца.

6. Проводы и встречи

Заканчивался третий год моей жизни в Оймяконе. Меня все больше и больше тянуло туда, где я родился и вырос, где все было дорого сердцу.

Под горячую руку я как-то послал телеграмму в Наркомздрав Якутской АССР с просьбой отпустить меня на родину. Вскоре от наркома пришел сухой, но утешительный ответ: «В мае 1941 года вашу просьбу удовлетвори-».

Моя просьба о переводе рассматривалась на заседании Оймяконского

райисполкома. Члены исполкома настойчиво уговаривали меня остаться работать здесь хотя бы еще годик. Но было что-то такое в моей просьбе, что заставило райисполком принять решение «отметить усердную работу врача Миронова и предоставить ему выезд почтовым транспортом – верхом на перекладных лошадях».

С первым после весенней распутицы почтовым рейсом отправился фельдъегерь Алексей Иванов. Уезжая, он пошутил:

– Взял бы тебя в напарники, да боюсь: вдруг в тайге медведи сожрут.

Через три дня двинулся в путь и я.

Навсегда останется в памяти трогательное прощание с сослуживцами и больными. Проводить меня пришли многие жители районного центра и ближних селений. Столпившись у больницы, они долго глядели мне вслед. Я махал им рукой. Да, не зря я отдал три года служению этим чудесным людям!

К вечеру мы прибыли на первую почтовую станцию, расположенную в наслеге Улахан. На вопрос, сможем ли мы немедленно двигаться дальше, нам ответили:

– Фельдъегерь уехал вот уже три дня, и лошади, выделенные ему, все еще не возвращались, а других нет.

В наслеге волновались, предполагая, что с почтой, видимо, произошло несчастье.

Утром я упросил проводника, с которым приехал, подбросить меня на своих лошадях до следующей почтовой станции.

Когда мы прибыли на вторую станцию, Алексея Иванова еще не было там. Как не вспомнить было его слова: «Сожрут в тайге медведи!»

Один за другим оставались позади почтовые перегоны, но я нигде ничего не мог узнать о судьбе пропавшего где-то фельдъегеря.

Не раз приходилось мне удивляться наблюдательности и памяти проводников. В дикой тайге они легко ориентировались в любое время суток. Троп не было, двигались как будто на ощупь, но никогда не петляли, ехали только вперед. Правда, когда через одну и ту же реку переправлялись по несколько раз, мне казалось, что проводник заблудился. Однако, поднявшись на возвышенность, я видел, где мы переправлялись в первый раз и где во второй.

Конечно, не обходилось и без неприятностей. На одной из переправ, переходя быстрину, моя лошадь спот-

кнулась и упала. Окунувшись в воду и поспешно выбравшись из стремян, я вместе с переметными сумами, которые сразу потяжелели, оказался отброшенным течением реки далеко вниз. Хорошо, что на сравнительно мелкое место. Лошадь, привычная к таким передрыгам, выскочила на противоположный берег раньше меня.

Купанье в одежде настолько обычное здесь явление, что и остановок для обсушки не производят – путешественник должен обсыхать в седле.

На восьмой день мы прибыли на последнюю станцию, обслуживаемую проводниками Оймяконского района. Дальше почту должны были сопровождать проводники Таттинского района. Но они где-то задержались. Снова мне пришлось переживать: а вдруг Таттинский район по какой-либо причине вообще не выставит почтовой связи? С большим трудом я упросил оймаконского проводника подбросить меня еще на один перегон – оттуда уже было недалеко и до Хандыги, а от Хандыги один день пути – и пристань на реке Алдан, где я сяду на пароход.

И вот мы снова в пути. Двигаемся медленно. Дорогу оймаконский проводник здесь не знал. Когда проехали с десяток километров, услышали ружейный выстрел, отдавший эхом. Проводник вопросительно посмотрел на меня, а я, в свою очередь, на него. Потом он зачем-то понюхал воздух, на миг прислушался и обрадованно сказал:

– Вот и твоя почта, доктор, нашлась!

Действительно, это были два проводника Таттинского района с лошадьми. Они охотились и не очень-то торопились встретиться с оймаконскими проводниками. Выстрелом, который так обеспокоил нас, пожилой якут убил крупного лося. Прямо возле туши таежного красавца состоялся несложный обмен почты и документов. Затем проводники сообща приступили к свежеванию лося. Неожиданная встреча в тайге закончилась плотным обедом у костра. Оставшееся мясо быстро распределили по седлам. Солидную долю лосятины старательно приторачивал и мой бывший проводник.

Двинулись дальше. Мерно покачиваясь в седле, я с приятной уверенностью думал, что теперь все трудности уже позади.

Дважды в этот день мы с превеликим удовольствием ели свежее мясо. Доброта и отзывчивость моих проводников были беспредельны. На ночевке

они поделились свежатиной и с якутом, державшим почтовую юрту.

Как раз в ту самую минуту, когда они выбирали для его семьи самые лучшие куски, снаружи раздались звонкие возгласы «хо!» и топот копыт. Полог палатки откинулся, и перед нами предстал плотный человек с патронташем, в теплой не по сезону шапке.

— Большая беда! — воскликнул он. — Фашистская армия перешла наши границы. Бомбят Смоленск, Минск, Киев...

Первой моей мыслью при этой обжегшей сердце вести было: «Иду на фронт! Место хирурга сейчас там». Целиком захваченный этой мыслью, я ехал дальше как во сне. Помню только, что наконец обозначилась почтовая тропа. Пролегала она по берегу реки, впадающей в Хандыгу. День выдался пасмурный, несколько раз принимался лить дождь. Проводник ехал впереди. К хвосту его лошади была привязана другая, навьюченная почтой. Третья лошадь, на которой ехал я, понуро плелась позади. Изредка она хватала на ходу вершинки высокой травы. Один раз как-то, хватив травки, она вдруг остановилась. Я взглянул вперед: на дороге на задних лапах стоял огромный медведь. Я тотчас спрыгнул с седла. Лошадь спокойно отошла в сторону и как ни в чем не бывало продолжала мирно щипать траву.

Присев на корточки, я лихорадочно принялся складывать извлеченную из чехла двустволку. Медведь стоял передо мной как гора — неподвижно. Он рассматривал меня своими маленькими глазками, как ребенок новую игрушку. Уже оставалось присоединить цевье и взвести курки — патроны, заряженные пулями, находились в стволах. Но как только раздался щелчок, вызванный присоединением цевья, медведь, подобно зайцу, прыгнул в кусты и был таков...

Мишка этот мне очень понравился, и я был рад, что не пришлось стрелять. Вот только странно было, что такой храбрый зверь, как медведь, второй по силе после льва, уподобился пуливному зайцу.

Я думал, что ехавший впереди проводник не заметил моей встречи с медведем, и не стал ему рассказывать о ней. Оказалось, что он видел ее с начала до конца. И на почтовой станции за ужином у костра сам рассказал о ней сменщику.

Рассказывал он с такими смешными подробностями, что все улыбались.

Показывая на меня пальцем, проводник сказал:

— Он счастливый, а медведь глупый! — И заключил: — Долго, доктор, ты проживешь, да и у этого медведя век будет долгий — таково наше якутское поверье.

На четырнадцатый день пути мы прибыли на станцию поселка Хандыга. Я не стал здесь ночевать, отправился в Хандыгу, условившись с проводником, что утром буду ждать его в поселке у здания управления строительства.

Хандыга тогда была быстро растущим производственным центром, я знал о ней по рассказам одного моего больного, Хмелевского, которого доставили к нам в Оймяконскую больницу с тяжелым астматическим бронхитом.

Его болезнь упорно не поддавалась лечению. Все перепробованные медикаменты не могли снять приступов кашля, которые завершались угрожающим жизни кровотечением. Только после дробного вливания крови, которую я давал больному сам, он постепенно начал поправляться. Это было и для меня, и для всего персонала больницы большой радостью.

Хмелевский работал в изыскательной партии, занятой прокладкой автодорожки Хандыга — Магадан.

Много хорошего слышал я от него и о начальнике Хандыгской базы Карповиче. С каким-то детским упоением и доброй завистью рассказывал он, как тот строго распекает нерадивых, но всегда был справедлив и чуток к запросам добросовестных людей. Вскоре после выписки Хмелевского из больницы я получил телеграмму из Хандыги, подписанную начальником базы Карповичем. Он сердечно благодарил меня и весь коллектив больницы за полное излечение Хмелевского.

И вот, пробираясь пешком к поселку Хандыга, я думал, что, может быть, мне удастся увидеть прославленного начальника базы строителей Карповича.

Возле строительного управления на волейбольной площадке было шумно и весело. За игрой следила сотня болельщиков, которые плотным кольцом окружили посыпанный свежим песком прямоугольник.

— Скажите, пожалуйста, — обратился я к одному из болельщиков, — где бы я мог увидеть товарища Карповича?

— Считайте, что вам повезло, — откликнулся молодой парень. — Видите, вон в стороне стоят два военных. Тот, что с орденом, и есть Карпович.

Обрадованный тем, что так удачно все складывается, я подошел к начальнику стройки.

— Простите меня за беспокойство: врач Миронов из Оймякона. Лечил Хмелевского — помните? Сейчас еду в Якутск. Мне очень хотелось бы с вами поговорить, — обратился к нему я.

Но тут меня словно облили ушатом холодной воды.

Карпович, смерив меня цепким взглядом с ног до головы, отчеканил:

— Ты знаешь, что находишься на территории Дальстроя? Так вот, если через двадцать четыре часа не покинешь ее, я тебя арестую!

До сих пор не могу понять, что было причиной такого обращения со мной.

С чувством незаслуженного оскорбления и стыда я резко повернулся и отошел от него. Если судить по холодному блеску глаз этого начальника, ему действительно ничего не стоило выполнить свою угрозу.

Мне оставалось только искать пристанище на ночь, чтобы утром продолжать путь к Крестхальджаю, на пристань.

...Июльским утром наш небольшой пароходик, курсировавший по рекам Алдан и Лена, подошел к Якутску.

Несмотря на ранний час, на берегу царил необычайное оживление. Толпы людей заполняли прибрежное пространство на большом протяжении. Множество катеров, барж и лодок занимали русло реки Лены, словно перегораживали его.

Очередным караваном барж якуты отправляли своих сыновей на защиту родины. Жены, матери, сестры и дети их махали платками с высоких берегов вслед отдалявшемуся каравану.

Защемило сердце, захотелось сейчас же оказаться на одной из отплывающих барж, быть вместе с теми, кто шел исполнить свой высокий долг. Да и о чем другом можно было думать в эти минуты...

Сойдя на берег, я постучал в первый попавшийся дом. Открылась дверь. Пожилая, с сидящими волосами женщина с первого слова участливо спросила:

— Издалека мобилизован?

— Пока еще не мобилизован, — ответил я. — Разрешите у вас привести себя в порядок, чтоб пойти в военкомат для оформления.

— Ну что же, в час добрый, сейчас у всех одна забота.

Не теряя времени, направился в военкомат.

Возле здания военкомата было, как на толкучке, шумно и многолюдно.

Просмотрев мои документы, начальник учетного стола сказал:

– Вам, товарищ, прежде всего надлежит оформиться в Наркомздраве – и только потом явиться к нам.

Как только я перешагнул порог кабинета наркома здравоохранения, Алексей Захарович Белоусов спросил голосом, в котором были удивление и строгость:

– А ты как здесь оказался? Кто тебе дал право выехать?

Не успел я ответить, что разрешение дал он сам, как Алексей Захарович сказал:

– Ну, ладно, раз уж выехал, что с тобой поделаешь! Найдем другое место. Врачи во как нам нужны! – Он коснулся пальцами шеи.

– Мне хотелось бы на фронт. – сказал я. – В военкомате я уже был, и там не возражают.

– Не возражают, говоришь? Я бы тоже не возражал, – вдруг повысил голос он, – да вот кто здесь будет работать, об этом стоит думать или нет? Поедешь в Ленский район в Мухтуйскую больницу, – заявил он решительно. – Там, надеюсь, поймешь, что тыл и фронт едины.

Все мои планы рухнули.

Пока шло оформление, мне была предоставлена возможность временно поработать в хирургическом отделении Якутской республиканской больницы. В эти дни однажды на улице я столк-

нулся нос к носу с пропавшим в дороге фельдшером Алексеем Ивановым. От неожиданности вместо приветствия выпалил:

– Да ты еще жив?

– Жив, жив курилка!

– Ну, а что случилось? Куда ты тогда исчез? – спросил я.

– Да просто, как говорится, бес попутал. Отъехав от Учугея верст сорок, мы немного отклонились от тропы, а тут, на грех, увидели двух красавцев лосей. Я не выдержал и разрядил карабин в рога и крепко подранил его. Ну, а потом как в сказке: дальше в лес – больше дров. Так увлеклись, что еле живыми выбрались. Лось, конечно, так и ушел, – с огорчением закончил он.

– А дальше какие у тебя планы? – спросил я его.

– Планы теперь у всех одни. Вот и повестка в руках.

Он шел в военкомат. Спустя несколько дней после этого я отправился на пароходе к месту новой работы.

Вечером, когда пароход прибыл в Мухтуй, на крутом берегу Лены было многолюдно. Здешние жители традиционно встречали и провожали пароходы. Меня встретил заведующий райздравотделом высокий сухопарый фельдшер Леонид Евстафьевич Фролушин. И тут же представил двух милостливых девушек:

– Знакомьтесь!

Пожимая руку и приветливо улыбаясь, девушка в желтом берете назвалась:

– Адельсон Ольга!

Леонид Евстафьевич тут же добавил:

– Григорьевна, исполняющая обязанности главного врача больницы.

Лицо Ольги Григорьевны мне показалось знакомым. Встретив ее взгляд, я подумал, что мы, кажется, где-то встречались, но не мог вспомнить где.

Мой увесистый чемодан с книгами был положен на больничную повозку, и мы направились к дому врачей, где мне была отведена просторная светлая комната.

В домашней непринужденной обстановке, за круглым столом мы с Ольгой Григорьевной быстро разговорились, и оказалось, что действительно мы с ней уже раньше были немного знакомы. Ольга Григорьевна рассказала о своей студенческой поездке в Ленинград, и я вспомнил, как мы, ленинградские студенты, подсмеивались над робостью сибирячек. Забегая немного вперед, скажу, что после первых моих операций в Мухтуйе, в которых Ольга Григорьевна участвовала как ассистент, мы не только подружились, но и полюбили друг друга. Ольга стала моей женой.

(Окончание следует)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

З.М. Кузьмина

НЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) 65 ЛЕТ

В июне 2008 г. неврологической службе Республики Саха (Якутия) исполнилось 65 лет. В далеком 1943 г., несмотря на тяжелое военное время, при Республиканской больнице было организовано неврологическое отделение на 18 коек. Возглавил его д.м.н., профессор, бывший политссыльный из Литвы Исай Давыдович Сапир, а ординатором была назначена выпускница Иркутского медицинского института, талантливая ученица известного профессора невролога Х.Б.-Г. Ходоса Даурова Лидия Дормидонтовна. В те годы потоком поступали раненные с фронта с последствиями черепно-мозговых травм, ранений перифери-

ческой нервной системы, тяжелых контузий головного мозга. В 1945 г. в Якутск приехала выпускница Ивановского медицинского института невролог Жарникова Галина Александровна. Это те люди, которые стояли у истоков создания неврологии в Якутии. В 1948 г. из Алдана приезжает выпускник Омского медицинского института Афанасий Иванович Владимирцев. Около 20 лет он был заведующим отделением и главным неврологом МЗ ЯАССР.

Шли годы. Отделение расширилось до 60 коек, пополнилось молодыми кадрами, среди которых хочется вспомнить уроженку г.Вилуйска И.И. Кожову, впоследствии доцента Иркутского мединститута, Ш.Ш. Шасаитова, Р.В. Смольникову, В.И. Бажину, В.Г. Альперович, М.П. Андрееву, В.С. Семенову, Н.И. Бельчук и многих других.

За эти 65 лет неврологическое отделение укрепилось не только высококвалифицированными кадрами, был расширен коечный фонд и были созданы новые службы.

В последующем в течение 30 лет неврологическим отделением и службой руководила народный врач СССР Лидия Ивановна Бабенко. В 1998г. и по настоящее время неврологическим отделением заведует заслуженный врач РС(Я) Людмила Тимофеевна Оконешникова. Отделение является флагманом неврологии в республике, организационно-методическим центром неврологической службы, обеспечивает диагностику и лечение наиболее сложных больных. Пришли специалисты, которые в настоящее время составляют костяк отделения. Это С.Ф. Задонская, Т.К. Давыдова, позже А.Р.

КУЗЬМИНА Земфира Макаровна – зав. отделением РБ №2-ЦЭМП, засл. врач РФ и РС(Я), гл. внештатный невролог МЗ РС(Я).